

Об одной нарративной модели в «Беседе трех святителей»

Статья посвящена популярному на Руси апокрифу, за которым в науке закрепилось название «Беседа трех святителей» (далее — «Беседа»)¹. Памятник построен в форме вопросов и ответов, изложенных от лица трех прославленных вселенских святителей-богословов IV в. — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Вопросно-ответные тексты на библейские темы, которые стали впоследствии основой «Беседы», возникли на византийской почве приблизительно в V–VI вв.; переводы на славянский язык вопросно-ответных сочинений, типологически близких «Беседе», были известны уже в XI в. Самые ранние выявленные на сегодня русские списки «Беседы» датируются XV в. (один из них хранится в ГПНТБ СО РАН — собр. Тихомирова, № 397).

Большой интерес для изучения представляют особенности построения некоторых вопросно-ответных пар «Беседы».

Еще В.Н. Мочульский обратил внимание на то, что многие русские списки апокрифа имеют значительные отличия от греческих². Исследователь опубликовал в качестве примера два поздних старообрядческих списка из Императорской публичной б-ки (ныне — РНБ) рубежа XVIII–XIX вв. (№ О.1.200) и XIX в. (№ F.1.453)³, в которых встречается интересный блок вопросов и ответов, не получивший удовлетворительных комментариев исследователей. Блок этот выглядит так:

1. В.: что сильнее огня? О.: сильнее огня вода.
2. В.: что сильнее воды? О.: то есть ветер.
3. В.: что сильнее ветра? О.: то есть гора.
4. В.: что сильнее горы? О.: то есть человек, понеже он раскапывает гору.
5. В.: что сильнее человека? О.: то есть хмель, отымает руке и нозе и вся крепости погубляет.
6. В.: что сильнее хмелю? О.: то есть сон.
7. В.: что есть сильнее сна? О.: злая жена, подобна она тресавице, понеже тресавица мучит человека и покинет, а злая жена и непослушная и до смерти человека мучит⁴.

Исследователь привел параллель к этому месту в рукописной статье «Сказание о злонаправленных женах» из Берлинского списка XIII в. («Никый же убо зверь тычень жене зле

и язычине. Что бо есть льва лютее въ четвороножныхъ разве зли жени...») и отметил, что такого рода вопросы и ответы могли возникнуть под влиянием «Пчелы», книги Премудрости Иисуса сына Сирахова и мудрых изречений⁵. А.Н. Веселовский предположил, что этот блок вопросов и ответов указывает «на одно из направлений, в котором совершалось на русской почве приращение Беседы»⁶. Действительно, в ранних редакциях «Беседы» эти вопросы не встречаются, но в рукописной традиции они существовали в виде отдельных вопросно-ответных статей, как, например, в рукописи XVII в. РНБ, собр. Погодина, № 1613, представляющей собой сборник различных вопросно-ответных текстов, или в рукописи XIX в. из Нижегородской областной универсальной научной библиотеки, Р 537, 1-1-338. В изученных нами рукописях впервые такие вопросы в «Беседе» встречаются в списках рубежа XVII–XVIII вв. (например, ИРЛИ, Латгальское собр., № 384).

Нам известно сегодня 16 списков «Беседы», в которых содержится такой блок. При этом финальным вопросом не всегда оказывается вопрос о злой жене.

Выделив эту нарративную модель в различных списках «Беседы», мы закрепляем за ней название *кумулятивной*. И.И. Толстой указывал на древнее, еще античное происхождение и ритуальное значение кумулятивных вопросов и ответов⁷. Кумуляцию принято считать принадлежностью фольклорных текстов, сейчас преимущественно текстов детского фольклора⁸. «Беседа» — памятник древнерусской книжности, и наличие в ней кумулятивных вопросов и ответов является фактом очень интересным для изучения сферы использования кумулятивной формы.

В современной науке нет единого мнения, что понимать под термином «кумуляция». В.Я. Пропп различал два вида присоединения кумулятивных звеньев: в одном случае звенья перечисляются одно за другим, в другом — при присоединении каждого нового звена происходит повторение всех предыду-

щих⁹. А.А. Кретов в качестве родового термина для текстов с повторениями использует определение «рекурсивные структуры»: к чисто кумулятивным структурам он относит сказки типа «Колобок», а также выделяет цепную (формула $ab+bc+cd\dots$) и ступенчатую (формула $a+b+c\dots$) структуры¹⁰. И.Ф. Амроян использует четыре термина для текстов с повторениями: нанизывание (линейное и выделительное), кумуляция (прямая и обратная), кольцевой повтор (докучные сказки) и маятниковый повтор (текст имеет два равноправных центра)¹¹. Мы придерживаемся более широкой трактовки термина «кумуляция», ориентируясь на традицию В.Я. Проппа, так как в наших текстах, хотя и нет формального нагромождения, все же есть некое нагромождение семантическое, обусловленное использованием в вопросе и ответе компаратива («сильнее», «мощнее»): «Что сильнее воды? Ветр. Что сильнее ветра? Гора. Что сильнее горы? Человек...» Таким образом, ключевые лексемы («вода», «гора», «человек» т.д.) вступают в градационные отношения, устремляясь к смысловой вершине.

В «Беседе» блоки кумулятивных вопросов и ответов либо находятся в середине текста (например, РНБ, Q.XVII.191 и др.), либо являются заключительными (например, ИРЛИ, Собр. отдельных поступлений, оп. 24, № 60). В особую группу выделяются два списка «Беседы» — ИРЛИ, Латгальское собр., № 66 и № 105, которые представляют собой один вопрос и пространный кумулятивный ответ на тему о коварстве злых жен.

Звенья кумуляции в блоках вопросов и ответов «Беседы» следуют одно за другим по очереди, темой каждого последующего вопроса является рема предыдущего ответа, формульным является вопрос: что сильнее или мощнее чего? В зависимости от смысловой вершины мы выделили три разновидности кумулятивных вопросов и ответов «Беседы»: сильнее всего может оказаться хмель, смерть или злая жена.

Одним из ранних (задействованных в исследовании) списков «Беседы» с такого рода вопросами является список конца XVII — начала XVIII в. ИРЛИ, Латгальское собр., № 384, где один из вопросов представляет собой сокращенный вариант кумулятивного блока и выглядит так:

Вопрос: что есть на свете сильнее и мощнее всего? Ответ: огонь, а мощнее огня вода, а

мощнее воды человек-царь, он бо пан всему живущему на земли, и вся ему поддана есть. Водю человек кропит, человек всему на свете царь есть, а хмель злоядный и сильнее его, когда человек упиется, сам собою не владеет, и ведет его в погибель.

В списке XIX в. ИРЛИ, Латгальское собр., № 168 повторяется этот же вопрос. Все внимание в этих списках сосредоточено на пагубном воздействии хмельного питья на человека, т.е. на грехе пьянства, который ставился на Руси в один ряд с грехом идолопоклонства, а иногда даже понимался как более тяжкий¹².

В списке начала XIX в. ИРЛИ, Пинежское собр., № 16 и подобных ему блок кумулятивных вопросов выглядит следующим образом:

Вопрос: кто сильнее человека? Ответ: хмель. Вопрос: кто сильнее хмели? Ответ: сон. Вопрос: кто сильнее сна? Ответ: огонь. Вопрос: кто сильнее огня? Ответ: вода. Вопрос: кто сильнее воды? Ответ: гора. Вопрос: кто сильнее горы? Ответ: человек (вариант: «человек — ископает ю и ходит» — БАН, Основное собр., 21.9.26). Вопрос: кто паки сильнее человека? Ответ: смерть.

Если бы не последний вопрос, то перед нами оказались бы вопросы и ответы, построенные по типу докучных сказок, городских стихов и диалогов, основой которых является кольцевой повтор¹³. Можно сравнить, например, с докучной сказкой: «В бане был? Был. Тело мыл? Мыл. А где мочала? Начинай сказку сначала» или знаменитой «У попа была собака»¹⁴. Последний вопрос определяет смысловую вершину, тем самым разрушая намеченную изначально кольцевую структуру данного блока. Цепочка начинается с человека, предпоследний вопрос также связан с человеком, возникает образ круга, но последний вопрос о том, кто сильнее человека (смерть), выходит за пределы этого круга. Вершиной цепи становится смерть, сильнее которой на свете ничего быть не может. В таком решении темы смерти «Беседа» сближается с целым рядом средневековых русских сочинений о непобедимости смерти (см., например, Повесть о споре жизни и смерти, духовный стих об Анике-воине). Анализируя этот фрагмент «Беседы», необходимо также иметь в виду, что круг в средневековой культуре символизировал мироздание, вселенную. Смерть оказывается вне этого круга, вне ряда земных обыденных вещей, составляющих мир (вода, огонь, гора и т.д.), потому что она несопоставима по своей силе ни с одной из

них. По сути, кумулятивный блок в анализируемом примере приобретает характер философского обобщения, эсхатологической притчи. Смерть оказывается как бы над кругом-вселенной, потому что всему в мире приходит конец, смерть.

В списке XIX в. ИРЛИ, собр. Богословского, № 63 несколько иначе излагается тот же материал. Кроме вершины «смерть» здесь появляется вершина «злая жена»:

Вопрос: что есть на свете поверженно, и что к тому повинно? Ответ: все на свете поверженно человеку и повинно медь, железо, вода, *кроме смерти*. Вопрос: что есть более ветра? Ответ: более ветра — гора, более горы — человек, более человека — хмель, руке и ноге отъемлет, более хмелю — сон, более сна — *злострадая и злолукавая жена*. Вопрос: что есть лютее зверя льва четвероногого? Ответ: злострадая лукавая жена лютее льва. Соломон царь рече: «Лутче человеку со львом жити и со змием лютым, нежели со злою женою».

Далее перечисляются все праведники, пострадавшие от сетей злых жен, — Адам, Иосиф Праведный, царь Давид, пророк Даниил, пророк Илья, пророк Иоанн Предтеча. То есть, согласно этому списку, лучше быть в родстве с дьяволом («змием лютым»), чем со злой женой.

В списке конца XVIII в. ИРЛИ, Собр. отдельных поступлений, оп. 24, № 60 кумулятивная цепочка содержит одну вершину — «злая жена». Среди лиц, пострадавших от злых жен, здесь указан также царь Соломон. Злая жена в этом списке называется «неукротимым зверем». Заканчивая перечисление пострадавших, писец все же дает рекомендацию, как спастись от такого «зверя»: «Аще хочещи, человекче, без печали быть, и ты не женися!»

В списке XVIII в. БАН, 21.9.25 нет кумулятивных вопросов, подводящих к рассуждению о злых женах, но есть само это рассуждение, в котором к пострадавшим от злых жен лицам причисляются также праведный Самсон и Александр Македонский.

В списках XX в. ИРЛИ, Латгальское собр., № 66 и № 105, представляющих собой пространственный рассказ о злой жене, утверждается и даже закрепляется молитвенной формулой, что женщина в злобе своей превзошла даже демона:

О, зло, злее всего зла на свете злая жена! Лучши жити человеку со зверем злым в яме, нежели со злою женою в дому век свой мучиться. О, любимцы мои, лучши и дороже злата яхонт или измарагд, лучши и выше *Бога ни-*

что. А что злее аспида? — тигр, а что злее тигра? — Демон. А что злее демона? — *Жена*. А что злее жены? — *Ничто* тако имама! Аще бы было все небо бумага, и все моря чернило, и все звезды перья, и вси ангели писцы, и то бы не могли описать женьскаго лукавства, и яко нет хужи котором мужем жена владеет, ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

Итак, в списках, где на вершине вопросно-ответной цепочки оказывается злая жена, иногда утверждается, что она по злобе своей превосходит демона и что женщина обладает дьявольской природой.

В вопросно-ответном тексте первой половины XIX в. из Нижегородской областной универсальной научной библиотеки, Р 537, 1-1-338 кумулятивная цепочка построена так же, как в списках XX в. ИРЛИ, Латгальское собр., № 66 и № 105, но в ней содержится чуть больше звеньев, что существенно дополняет смысл всего блока:

Вопрос: что лутче злата? Ответ: ягонт или измарагд. Вопрос: что лутче яхонта? Ответ: добродетель. Вопрос: что лутче и выше добродетели? Ответ: *Бог*. Вопрос: что выше Бога? Ответ: *ничто*. Вопрос: что злея аспида? Ответ: тигр. Вопрос: что тигра злея? Ответ: демон. Вопрос: что злее демона? Ответ: *жена*. <...> Вопрос: что злее жены? Ответ: *ничто*.

Текст здесь (как неявно и в списках Латгальского собр., № 66 и № 105) распадается на две смысловые части: в первой перечислены ценности материальные и духовные, на вершине которых находится Бог, во второй перечислено материальное и духовное зло, на вершине которого оказывается злая жена, обошедшая в своей злобе даже демона. Таким образом, в цепочке намечены два полюса — добро и зло, Богу противопоставлена женщина.

Народным легендам известна тема родства женщины с дьяволом: женщина может быть сотворена из хвоста черта, дьявола или из ребра Адама, плоть которого создал Сатанал, а значит, в женщине нет ничего от Бога; известны также сюжеты, в которых утверждается, что Бог создал женщину в наказание человеку¹⁵. Таким образом, книжный текст «Беседы» не противоречит народному представлению о женщине.

Источником этих вопросов в «Беседе» могли быть слова о добрых и злых женах, известные древнерусским книжникам с XI в. и часто приписываемые Иоанну Златоусту. На наш взгляд, такая атрибуция и была основанием для смешения двух памятников —

«Слова Иоанна Златоуста о женах» и «Беседы трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго» (как в случае с приведенным нами текстом из Латгальского собр., № 66 и № 105). Слова о добрых и злых женах известны в нескольких вариантах. Интересующий нас вариант читается в Прологе XV в. под 18 февраля (РНБ, Соловецкое собр., № 488 (697), л. 443–443 об.):

Егда загорится храмина, чем ее гасити? Водю. Что более воды? Ветер. <...> Что мочнее хмелю? Сон. Что лютее сна? Жена зла.

В сборнике начала XVI в. РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 775 на л. 384 об.–386 помещается текст под заглавием «На праздник Иоанна Предтечи. Слово Иоанна Златоустаго о женах», который имеет следующий зачин:

Егда загорится храмина, чем ее гасити? Водю. Что боле воды? Ветр. Что боле ветра? Гора. Что сильнее горы? Человек. Что боле может человека? Хмель, отимает руки и ноги. Что лютее хмелю? Сон. Что лютее сна? Жена зла.

Постепенно из этих слов сформировался оригинальный памятник древнерусской письменности «Беседа отца с сыном о женской злобе», особенно популярный в XVII–XVIII вв.¹⁶, который также мог быть источником кумулятивных вопросов и ответов нашей «Беседы». Так, в рукописи второй половины XVIII в. РГБ, Оптинское собр., № 241 кроме «Беседы» и текста-дополнения к ней (в котором, кстати, есть кумулятивные вопросы на л. 8–18 об.) находится и «Беседа отца с сыном о женской злобе». Следовательно, книжники прекрасно осознавали тематическое родство этих произведений.

Рассуждения о злых женах встречаются и в памятнике XII–XIII вв. «Слово Даниила Заточника»¹⁷, в котором отдельные места находят параллели с приведенными выше местами из «Беседы» (совпадающий текст мы выделили курсивом):

Ту лепше ми вол бур вести в дом свои, неже зла жена поняти: вол бо ни молвит, ни зла ни мыслит; а *зла жена бьема бесеться, а кроутима выситяся*, в богатстве гордость приемлеть, а в убожестве иных осуждает. <...> *Аще который муж смотрит на красоту жены своа* и на я, и ласковая словеса и льстива, а дел ея не испытаеть, *то даи Бог ему трясею болети*, да будет проклят. <...> *Зла бо жена ни учения слушаеть, ни церковника чтить, ни Бога ся боить, ни людеи ся стыдить, но всех укоряет и всех осужает.* <...> *Что лва злеи в четвероногих, и что змеи лютееи в ползующих по земли? Всего того злеи зла жена.*

Мы уже отмечали, что кумулятивная форма характерна для фольклорных, а не книжных текстов, но прямых параллелей кумулятивных вопросов и ответов «Беседы» с фольклорными памятниками нам обнаружить не удалось. В сборнике Д. Садовникова содержится загадка: «Какое животное всего злее? — Злая жена»¹⁸, которая, вероятно, возникла под влиянием вопросов и ответов «Беседы», но она скорее представляет собой реликт некогда единого блока вопросов и ответов¹⁹. Можно указать лишь на формальное сходство наших вопросов и ответов с некоторыми прибаутками, колысками и сказками с диалогами. В качестве примера формального сходства кумулятивного блока «Беседы» с фольклорными жанрами предлагаем образец из обрядовой поэзии — колыску (нужно отметить, что здесь отсутствует семантическое нагромождение, звенья присоединяются логически):

- Коледа, маледа, где была?
- Коней пасла.
- Что выпасла?
- Коня в золотой узде.
- Где твой конь?
- За воротами стоит.
- Где ворота?
- Водой снесло.
- Где вода?
- Быки выпили.
- Где быки?
- За гору ушли.
- Где гора?
- Черви выточили.
- Где черви?
- Гуси выклевали.
- Где гуси?
- Гуси съедены²⁰.

С.М. Лойтер указывает, что вопросы и ответы о воде, горе, воротах, коне, быке заключают в себе мифологическую семантику. В древнем обряде они объясняли полноту и целостность-единство мира²¹. В кумулятивных вопросах и ответах «Беседы» речь также идет о воде, горе, огне и т.д. Здесь нет, вероятно, генетической связи, но есть типологическая общность. В «Беседе» эти вопросы также являют полноту мира, в котором выделяются два полюса — добро и зло.

Итак, представленный нами материал свидетельствует о философском и в конечном счете весьма трагическом взгляде на мир составителей «Беседы», — ведь самыми сильными в мире началами оказываются те, которые несут разрушение: хмель, смерть и злая жена.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-04-12027 (Информационная система «Памятники русской рукописной книжности вопросно-ответного жанра»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные итоги осуществленного нами комплексного исследования этого памятника см.: *Вабалык М.Г.* Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: Исследование и тексты. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

² *Мочульский В.Н.* Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893. С. 150.

³ Там же. С. 150–169.

⁴ Там же. С. 164–165.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ *Веселовский А.Н.* Рецензия на исследование В.Н. Мочульского «Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности» // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 2. С. 422.

⁷ *Толстой И.И.* Обряд и легенда афинских буфоний // Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 96.

⁸ *Лойтер С.М.* Кумулятивная форма в детском фольклоре: генезис, функция // Язык и поэтика фольклора: Исследования и тексты. Петрозаводск, 2001. С. 150.

⁹ *Пропт В.Я.* Кумулятивная сказка // Пропт В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 246–247.

¹⁰ *Кретов А.А.* Сказки с повторениями // Живая старина. 2002. № 1. С. 24–27.

¹¹ См.: *Амроян И.Ф.* Повтор в структуре фольклорного текста. М., 2005.

¹² См.: *Калиновская В.Н.* К изучению древнейших русских поучений и слов против пьянства // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 60.

¹³ О принципе кольцевого повтора см.: *Амроян И.Ф.* Повтор в структуре... С. 145–164.

¹⁴ Примеры см.: Там же. С. 150, 154.

¹⁵ См.: «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.

¹⁶ *Тимова Л.В.* Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987.

¹⁷ *Изборник. М., 1969. С. 224–234.* Кумулятивной формы в данном памятнике также нет.

¹⁸ *Садовников Д.* Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб., 1876. С. 276.

¹⁹ Изучением влияния литературной традиции на загадки занимался В.Н. Перетц, но он не упоминает списков «Беседы» с подобными вопросами в качестве параллели к данной загадке; параллелью же к ней ученый считает фрагмент о злой жене из «Слова Иоанна Златоустого о женах». См.: *Перетц В.М.* Студії над загадками // Етнографічний вісник. Київ, 1932. Кн. 10. С. 136.

²⁰ *Детский поэтический фольклор: Антология.* СПб., 1997. С. 253.

²¹ *Лойтер С.М.* Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты. Петрозаводск, 2001. С. 37.